

Автор – Мэй Хатимоку
Иллюстратор – КУККА

ТОННЕЛЬ В ЛЕТО, ВЫХОД ПРОЩАНИЙ

Новелла

Рассветные небеса. Популярные азиатские новеллы

Мэй Хатимоку

Тоннель в лето, выход прощаний

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Хатимоку М.

Тоннель в лето, выход прощаний / М. Хатимоку — «Эксмо»,
2026 — (Рассветные небеса. Популярные азиатские новеллы)

ISBN 978-5-04-251058-8

Одним летним утром старшеклассник Каору Тоно слышит городскую легенду о загадочном «Тоннеле Урасима» – волшебном проходе, который может исполнить любое желание ценой лет жизни. Сначала Каору отмахивается, считая не более чем выдумкой, но той же ночью случайно натывается на тоннель, очень похожий на легендарный. Пять лет назад его любимая младшая сестра Карэн погибла. Стоя перед входом, Каору осознает: если этот тоннель действительно способен исполнить любое желание, быть может, он сможет вернуть Карэн к жизни? После школы он в одиночку отправляется исследовать тоннель. Но за ним тайком следует новенькая в классе – загадочная девушка по имени Андзу Ханасиро. Она держится особняком и неожиданно проявляет интерес к Каору. Вдвоем они решают объединить усилия, чтобы изучить искривляющий время тоннель, раскрыть его тайны и получить желаемое. Но готовы ли они к той цене, которую придется заплатить?

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-251058-8

© Хатимоку М., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава1. Монохромный небосвод	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мэй Хатимоку

Тоннель в лето, выход прощаний

NATSU ENO TUNNEL, SAYONARA NO DEGUCHI
by Mei HACHIMOKU

© 2026 Mei Hachimoku

Illustrations by KUKKA

All rights reserved.

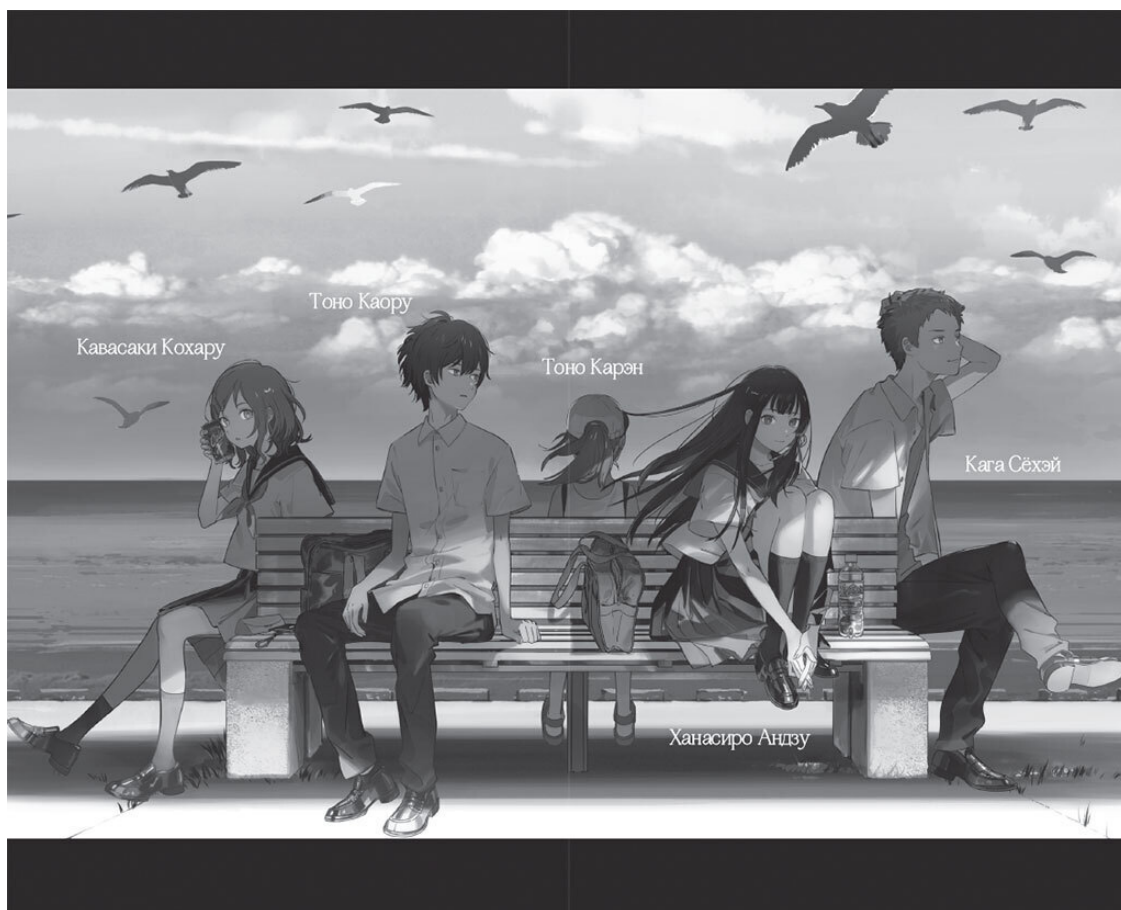
Original Japanese edition published by SHOGAKUKAN.

Russian translation rights arranged with SHOGAKUKAN, through Tuttle-Mori Agency, Inc.

Russian Edition published by arrangement with Shueisha Inc., Tokyo in care of Tuttle-Mori Agency, Inc., Tokyo.

© Комоза А., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1. Монохромный небосвод

«Терпеть не могу лето».

Я поймал себя на этой мысли, пока ждал электричку.

С самого утра стояла невыносимая жара, хотя на календаре только начало июля. Палящее солнце и хор цикад были слишком назойливыми, чтобы восхищаться этим.

В какой-то момент в однообразное стрекотание вплелся мелодичный сигнал, предваряющий объявление по громкой связи: «Внимание! Поезд сильно опаздывает из-за столкновения с оленем. Приносим свои извинения за доставленные неудобства. Ваше время бесценно для нас, и мы прилагаем все усилия, чтобы как можно быстрее возобновить движение поездов...»

Старый репродуктор на столбе с сухим щелчком завершил объявление.

«Опять?» – с досадой подумал я. В прошлом месяце поезд задержался из-за дикого кабана.

Передо мной простирался бескрайний океан, а позади возвышались величественные горы. Однопутная железнодорожная линия с единственной платформой. Для моей станции, которая считалась одной из самых удаленных в префектуре, такие происшествия были не редкостью.

Опоздание в школу само по себе меня мало беспокоило – в этом смысле мне, скорее, повезло, – но перспектива ожидания под палящим солнцем совсем не радовала.

Столкновение с животным могло привести к задержке электрички от нескольких минут до часа. Поскольку в этот раз объявили о «сильном опоздании», я по опыту знал, что ждать нужно будет еще минут тридцать. Одна мысль о том, что мне придется провести все это время на жаре, вгоняла меня в уныние.

«Жарко...»

Я провел рукавом рубашки по виску, вытирая стекающую каплю пота.

На этой заброшенной станции, где не было даже автоматических турникетов для проверки билетов, о такой роскоши, как кондиционер, не могло быть и речи. Все, что я мог сделать, чтобы спастись от жары, – это перебраться под деревянный навес, где рядом стояли две скамейки. На одной из них уже сидели две девушки из моей школы, занятые беспечной болтовней.

– Отлично, похоже, физкультура первым уроком отменяется.

– Тебе не жаль того оленя?

– Ну что поделаешь, таков естественный отбор.

Разговор у них шел довольно бестолковый. Но они сами, похоже, этого не замечали и весело смеялись. Привычная для этих мест картина.

Я присел на свободную скамейку, стараясь не мешать их разговору. Расстегнув верхнюю пуговицу рубашки и оттянув воротник, я откинулся на спинку. Теплый ветерок коснулся моего лица и донес до меня запах соленой воды.

По ту сторону путей виднелись пологие морские утесы и подернутый дымкой горизонт. Небо становилось светлее вдаль, а синева океана, где солнечные лучи создавали причудливую игру бликов на поверхности воды, – все глубже.

Подобно тому, как созерцание пламени свечи или журчащего течения ручья приносит умиротворение, утренний океан обладал особой магией, которая дарила ощущение гармонии. Я мог смотреть на него бесконечно, не испытывая ни капли скуки. Наоборот, чем дольше я любовался его бескрайними просторами, тем больше меня увлекало, и в этом было нечто притягательное.

Некоторое время понаблюдав за океаном, я обернулся и посмотрел на часы, висевшие на столбе. Половина девятого. Даже если бы электричка пришла прямо сейчас, до станции

рядом со школой ехать минут двадцать, а занятия начинались без десяти девять. Смирившись с неизбежностью опоздания, я закрыл глаза, чтобы немного вздремнуть.

– Ты знаешь о туннеле Урасима?

Спросила одна из девушек, которая сидела рядом на скамейке, и эти слова заставили меня прислушаться.

– Что это? Место с привидениями?

– Нет, не совсем. Хотя там действительно происходят какие-то странные вещи. Это что-то вроде городской легенды.

– Страшилка?

– В некотором роде...

– Ой, не хочу об этом слушать.

– Да нет там никаких призраков. Но говорят, что если войти в этот туннель, то можно получить все что захочешь.

– Все что захочешь?

– Абсолютно.

– Хм-м... И... это все?

– А дальше начинается самое страшное. Ну, получил ты, что хотел, и решил, что пора возвращаться, да? Но туннель Урасима так просто тебя не отпустит.

– И что нужно сделать, чтобы выйти?

– Ты... начинаешь стареть и мгновенно превращаешься в дряхлого старика или старуху.

– Правда? Значит, это история о выборе между молодостью и исполнением желаний?

– Точно-точно!

– Это действительно немного пугает.

– А я говорю!

– Кстати о страшном! Вчера у меня в комнате появился здоровенный паук...

– Ого! И что?

– Дедушка прибил его газетой – раз и готово! Он у меня крутой!

– Согласна!

Они продолжали болтать без умолку, легко перескакивая с одной темы на другую. Я же, словно подбирая выброшенную в мусорное ведро газету, ухватился за одну из поднятых ими тем и начал мысленно ее развивать.

Туннель Урасима. Войдешь в него – и сможешь получить *все* что захочешь, но взамен постареешь.

Никогда раньше не слышал эту городскую легенду. Наверное, она основана на сказке об Урасима Таро¹. Часть про «исполнение любых желаний» довольно банальна и типична для городских легенд, но о мгновенном старении я слышу впервые.

Интересно, что произойдет, если в этот туннель войдет тот, кто больше всего на свете жаждет быть всегда молодым? Помолодеет внутри туннеля, а когда выйдет, сразу состарится? Или, если он раздобудет эликсир молодости, получится ли у него ходить туда снова и снова, чтобы, допустим, стать бессмертным?

Придя к выводу, что слово «все» следовало бы использовать куда осторожнее, я открыл глаза.

Подошла электричка. Взглянув на часы, я осознал, что задержка составила тридцать пять минут. Возможно, из-за того, что я дремал и предавался размышлениям о разных вещах, время пролетело незаметно.

¹ Урасима Таро (яп. #####) – главный герой японской легенды, сюжет которой состоит в том, что рыбак спасает черепаху, которая в знак благодарности уводит его в подводный дворец, где он проводит несколько дней в радости. Вернувшись домой, он обнаруживает, что на суше прошли сотни лет, и открывает подаренный ему под водой ларец, тем самым нарушая запрет, что приводит к его мгновенному старению.

Передняя часть поезда была чистой, без следов крови, как будто он и не сбивал оленя. Все выглядело как обычно.

Я вошел в последний вагон. Внутри, благодаря работающему кондиционеру, было до неприличия комфортно, и мое разгоряченное тело стало моментально остывать. Я опустился на ближайшее свободное место, двери с шипением закрылись, и поезд тронулся.

«Уважаемые пассажиры! Благодарим вас, что выбрали нашу железнодорожную компанию. Мы приносим свои извинения за опоздание поезда и сообщаем...»

«А, кстати».

Пропустив мимо ушей объявление с извинениями, я неожиданно вспомнил, что сегодня к нам в класс кто-то переводится.

Старшая школа Кодзаки располагалась в двух шагах от железнодорожной станции. Большинство местных школьников, если только они не отпетые двоечники или не круглые отличники, учились именно здесь. Изредка на спортивную площадку забредали барсуки и лисы. Само здание школы выглядело немного обветшалым, но в целом это была самая обычная школа.

Я переобулся у своего шкафчика и направился в класс 2-й «А». Как раз была перемена, и в коридоре небольшими группами стояли ученики и болтали. Поднявшись по лестнице и пройдя немного по коридору, я заметил что-то странное.

Перед классом 2-м «А» собралась целая толпа.

«Неужели кто-то разбил окно?» – мелькнуло у меня в голове. Однако тут же стало очевидно, что они пришли поглазеть на новую ученицу, которая перевелась в эту школу. Я уже знал, что это девушка, и мне стало интересно, действительно ли она так красива, что смогла привлечь столько внимания?

Я протиснулся сквозь толпу в класс. Новенькую было видно сразу. В школе Кодзаки, где все ученицы должны были носить форму в виде матросок², она выделялась в своем платье-сарафане. Видимо, для нее еще не успели пошить форму. Уже из-за этого различия в одежде она казалась чужеродным элементом, который не вписывался в общую картину.

Хотя лицо у нее и вправду было симпатичное. Длинные прямые черные волосы на первый взгляд делали ее старше, но большие глаза с приподнятыми уголками смягчали этот эффект. Кроме того, прямая спина и сосредоточенность на чтении добавляли ей элегантности.

Ее красота была не хуже, а возможно, даже превосходила Кавасаки, известную своей привлекательностью и считавшуюся самой очаровательной в классе. Но в ней было что-то особенное. Может быть, ее безупречная внешность придавала ей некую холодность и недоступность. Хотя она, без сомнения, была объектом всеобщего внимания, никто не осмеливался к ней подойти. Все лишь наблюдали за ней издалека.

Я прошел на свое место у стены, отделяющей класс от коридора.

– Эй, Каору.

– И тебе доброе утро.

Высокий одноклассник с короткой стрижкой, который поприветствовал меня, был Кага. Он выглядел как типичный спортсмен, но на деле был заядлым домоседом из клуба каллиграфии и умником, который собирал корабли в бутылках в качестве хобби.

² Матроска – распространенный вид школьной формы для девушек в Японии в средних и старших классах.

– Слышал, поезд сбил оленя.

– Ага.

– В последнее время такое часто случается. Завидую тебе. Я-то на скутере езжу.

– С чего бы? Летом жарко, а зимой холодно, – ничего хорошего.

– На мопеде ведь то же самое.

– И то верно.

Кага бросил взгляд на новенькую.

– В Токио, наверное, поезда животных не сбивают?

– Как же, случается.

– Разве?

– По крайней мере, я слышал, что там людей сбивают.

– Черт, ты иногда так непринужденно говоришь такие вещи, – сказал Кага, скорчив недовольную гримасу.

Я не очень понял, что именно он имел в виду, но, возможно, моя фраза и вправду была неуместной. Я решил сменить тему.

– Кстати, при чем тут Токио?

– Хама сказала, что новенькая оттуда.

Хама – это учительница Хамамото, которая работала в школе первый год и была нашей классной руководительницей. К слову, никакой особой для молодой женщины привлекательностью она не обладала.

– Ого, Токио...

– Не повезло, конечно, переехать в такую глушь.

Я фыркнул и взглянул на новенькую.

– Другого склада, что ли?

– В смысле?

– Ну, эта новенькая кажется одиночкой.

– О? – Кага оживился. – Заинтересовался? Личико-то у нее и правда ничего.

– Да нет, просто обратил внимание.

– Ее, кстати, зовут Ханасиро Андзу...

Я кивнул, давая понять, чтобы он продолжал.

– А характер у нее, похоже, что надо!

Кага с явным интересом начал рассказывать.

Ханасиро Андзу, как оказалось, переехала в Кодзаки по семейным обстоятельствам. Это был ее первый перевод в другую школу. Так ее представила Хама, а затем попросила Ханасиро сказать что-нибудь классу. На что та не мешкая ответила: «Мне нечего сказать. Можно я сяду?» Взгляд у нее при этом был такой пронзительный, что Хама, по словам Каги, оробела.

На самом деле отчужденность Ханасиро была поразительной: пока мы беседовали, одноклассник, попытавшийся с ней заговорить, был решительно отшит фразой: «Я читаю, так что не мешай, пожалуйста».

– Ну, теперь понятно, почему она одна, – усмехнулся я.

– Жалко, симпатичная все-таки. Лишь бы задирать не стали.

– Судя по всему, она сможет постоять за себя, так что беспокоиться не о чем.

С этими словами я достал из сумки учебник по математике и тетрадь. Грядущая контрольная волновала меня сейчас куда больше новенькой.

Прозвенел звонок, возвещая начало второго урока.

Ханасиро, несмотря на сложный характер, оказалась весьма способной в учебе. На математике она щелкала задачи как орешки, а на физкультуре демонстрировала такую скорость, что позавидовали бы даже члены клуба легкой атлетики. Даже когда одноклассницы восторженно хвалили ее, она не проявляла высокомерия, а лишь бросала холодный взгляд, будто говоря: «Да ладно, это же проще простого». Я неоднократно наблюдал, как одноклассники пытались пригласить ее в школьные кружки, но на все предложения она давала отказ одной лаконичной фразой: «Слишком хлопотно».

Похоже, Ханасиро не собиралась ни с кем сближаться и проводила большую часть перемен за чтением.

Обычно такую белую ворону быстро начинают травить. Однако выдающиеся способности, видимо, обладают силой превращать «чужака» в «гениальную личность», и уже к обеденному перерыву в первый же день Ханасиро прочно закрепила за собой амплуа «неприступной одиночки».

Впрочем, нашлись и те, кому это было не по душе.

– Эй, сбегай-ка вниз, купи мне колу «Черио»³ в автомате.

Ярко-рыжее каре с химической завивкой, короткая юбка. Да еще и стоптанные задники у сменной обуви. Прямо-таки живое воплощение раздела «как не должен выглядеть ученик» – настоящий парад нарушений школьного устава.

Это была Кавасаки, та самая, что считалась первой красавицей класса.

Но, к сожалению, она не ограничивалась только миловидной внешностью. Ко всему прочему, Кавасаки была страшно избалованной и высокомерной. Ходили слухи, что она встречается со старшеклассником-задирой, известным своей любовью к дракам, так что никто из одноклассников не смел ей перечить. С таким влиятельным покровителем и наглым нравом ее статус негласной королевы класса был предопределен.

Кавасаки сунула прямо в руку Ханасиро сто иен. Та с недоумением посмотрела на монету и пробормотала:

– Вишневою колу?

– А? Ты что, не знаешь компанию «Черио»?

– Никогда не слышала.

– Ладно, неважно. Просто неси уже.

– А ста иен хватит?

– Хватит!

– А она вкусная?

– Чего? Какая разница?

– У них есть что-нибудь, кроме колы?

– Да хватит уже вопросы задавать, иди! – крикнула Кавасаки, пнув парту ногой.

Ханасиро с совершенно бесстрастным лицом встала и молча вышла из класса. Глядя ей вслед, Кавасаки плюхнулась на свой стул и начала хвастаться перед подружками:

– Ну что, видите? Стоит чуть прикрикнуть – и все дела.

Ханасиро вскоре вернулась, держа в руке ту самую колу «Черио». Затем, прямо перед лицом Кавасаки, она открыла банку с характерным пшиком и принялась жадно пить. От такого неожиданного поступка в классе воцарилась гробовая тишина, а Кавасаки остолбенела. Ханасиро запрокинула голову, осушила банку до дна и громко выдохнула, отстранив от отверстия розовые губы.

³ Черио (яп. ####) – японские газированные безалкогольные напитки, производимые компанией Cheerio Corporation.

– М-м. Спасибо за угощение, – Ханасиро поставила пустую банку из-под колы на парту Кавасаки. Не выказывая никаких эмоций, она вернулась на свое место и снова уткнулась в книгу. С запозданием Кавасаки вскочила со стула с криком:

– Как... Как это понимать? Ты что это, решила здесь поступать по-своему?! – и направилась к ее парте. Но тут, как будто по иронии судьбы, в класс вошел учитель, и Кавасаки, цокнув языком, ограничилась лишь тем, что бросила на Ханасиро убийственный взгляд.

– Обалдеть, Ханасиро выпила колу Кавасаки! – Может, мне тоже в следующий раз так сделать? – И пила-то прямо как в рекламе!

Доносились такие обрывки разговоров. Лицо Кавасаки было пунцовым, как та банка из-под колы.

Размышляя, что же это за девушка такая – Ханасиро, которая способна на подобную выходку перед лицом королевы класса Кавасаки, – я параллельно строил весьма правдоподобное предположение: «Наверное, мы с ней ни разу не поговорим до самого выпуска, и со временем я вообще забуду ее имя». Те, кто плывут против течения, вряд ли заметят такого невзрачного человека, как я. Да и мне самому не особо хочется с ними связываться. Мы просто живем в разных мирах.

Даже с появлением новенькой занятия шли своим чередом. Так и пролетели пятый и шестой уроки, и на этом учебный день завершился. Я взял портфель и собрался уходить.

– Тоно!

Я обернулся и увидел Кавасаки. Она все еще была не в духе из-за поступка Ханасиро.

– Что?

– Сбегай в ларек, купи мне «Айсукурин».

«Айсукурин». Полное название – «Сэнтан Айсукурин», это пустой вафельный рожок с круглым шариком мороженого. Вкус детства... Впрочем, подобная ностальгия была сейчас неуместна.

– А деньги?

– Чего? Зачем?

Начинать песню, что без денег ничего не купишь, зная ее, было абсолютно бессмысленно.

Помнится, Кавасаки стала привлекать меня в качестве посыльного вскоре после начала второго года обучения. В один день я шел по коридору, как вдруг она обратилась ко мне: «Эй, одолжи десять иен?» Подумав, что десять иен – не такие уж большие деньги, я дал. На следующий день она пристала снова: «Одолжи сто иен?» «Ну вот, началось», – подумал я, но, поскольку сумма была незначительной, протянул ей монету. С тех пор, похоже, Кавасаки решила, что я подходящий кандидат на роль «мальчика на побегушках», и начала активно мною пользоваться.

Разумеется, выполнять поручения одноклассницы – не самое почетное занятие. Но каждый раз, когда я пытался отказать, королева класса тут же намекала на своего вспыльчивого парня-старшеклассника. Не обладая иммунитетом к угрозам физического насилия, я был вынужден соглашаться.

– Ладно, я схожу.

Получив вдогонку ее «Только побыстрее!», я побрел в ларек.

Спускаясь по лестнице, я почувствовал, как кто-то ткнул меня в плечо. Обернувшись, я увидел Кагу.

– Тебе следовало отказаться, – сказал он с укором, поравнявшись со мной.

– Что поделаться, сегодня удача не на моей стороне.

Я попытался отшутиться, но Кага лишь неодобрительно поморщился.

– Она села тебе на шею только потому, что ты не умеешь говорить «нет».

С этими словами он по-дружески стукнул меня по спине своим портфелем.

– Но ведь у Кавасаки, кажется, и правда крутой парень. Если я откажу и она ему пожалуется, мне конец. Могут подкараулить после школы или вломиться прямо в класс.

– Бред это все, – мгновенно ответил Кага.

– А вдруг... – пробормотал я.

– Слушай, ты думаешь, старшеклассник, у которого экзамены и вопрос с работой на носу, станет устраивать себе проблемы из-за капризов девушки? Да и вообще, по слухам, они вроде даже и не пара. Их вместе никто не видел.

– Хочешь сказать, Кавасаки блефует?

– А ты думаешь, это невозможно?

Я тут же подумал, что это вполне возможно. За Кавасаки такое водится. Она не из тех, кто признает поражение.

– ...Ну, не знаю. Вряд ли она стала бы просто так выдавать первого встречного за своего парня. Наверное, они и правда вместе. В любом случае откажешь – станет донимать, так что проще откупиться.

Последнее – чистая правда. Если проблемы решаются парой сотен иен, то это мелочи.

Кага тяжело вздохнул.

– У тебя что, вообще нет внутреннего стержня?

– А он так уж необходим?

– Еще как. Без стержня ты не сможешь настоять на своем. Поэтому на тебе и ездят. Хоть бы у новенькой немного поучился.

Думаю, быть таким же бесстрашным, как Ханасиро, – тоже перебор. К тому же...

– У меня есть свой стержень.

– Неужели?

– Мой стержень – в его отсутствии.

– Это еще что за околесица?

– Слышал, что внутри электрических столбов – пустота? Знаешь, почему? Потому что так они прочнее. Так и я: сознательно не обзавелся внутренним стержнем, чтобы не сломаться при первом же серьезном ударе судьбы. Может, тебе, Кага, этого и не понять, но для меня это целая философия жизни.

Кага смерил меня крайне недоверчивым взглядом.

– Ты это на ходу придумываешь, да?

– В общем-то, да.

Я получил коленом в бедро.

– Этот удар больнее, чем выглядит, так что, пожалуйста, без добавки! – крикнул я, уворачиваясь. Еле-еле, но пронесло.

– Будь серьезнее.

– Какой ты строгий...

Пока я растирал бедро, мы добрались до ларька. Тогда я вспомнил, что в это время года мороженое разбирают быстро, и поспешил к холодильнику. К счастью, один «Айсукурин» еще оставался. Он торчал круглой частью вниз, словно буй, затерявшийся среди других видов мороженого.

– Ну слава богу. Куплю поскорее и назад.

– Дай-ка его сюда.

– Зачем?

Я передал «Айсукурин» Каге.

– Смотри.

Он щелкнул пальцем по кончику вафельного рожка. Тот с хрустом надломился изнутри.

– Эй, ты что творишь?

– Видишь? Он полый, но все равно сломался.

– Ну естественно.

Я выхватил мороженое обратно и с досадой осмотрел его.

– Ну вот, теперь оно будет подтекать...

– Ха, отлично.

Кага довольно смеялся. Конечно, ведь отчитываться придется мне.

– Да расслабься. Она не заметит, пока не откроет. А если и заметит, скажешь, что так и было. Раз уж платишь ты, надо хоть как-то отыгаться.

– Не в этом дело.

– Именно в этом. – Кага внезапно сделался серьезным и повернулся ко мне. – Попробуй хоть изредка показывать характер. Ты ведь не столб и не мороженое.

– ...Когда-нибудь.

Кага вздохнул, сомневаясь в обещании своего друга.

Вручив мороженое Кавасаки, я, словно спасаясь бегством, спешно покинул школу. Как и утром, сел в электричку и отправился домой. Дорога пролетает незаметно, если любоваться сменяющимися за окном видами или сидеть в телефоне.

На выходе я показал свой проездной водителю. Он уже знал меня в лицо и лишь кивнул в ответ, даже не взглянув. Нажав кнопку у двери, я вышел на улицу, где меня тут же окутал удушающий зной, а по ушам ударил оглушительный хор цикад. Тело, охлажденное кондиционером в вагоне, уже после нескольких шагов покрылось легкой испариной.

Опустив голову, я шел под палящим солнцем вдоль белой разметки на дороге. Нужно было пройти эту улицу, свернуть у небольшой рисовой лавки, миновать пожарное депо, чьи ворота я ни разу не видел открытыми, – и вот он, мой дом.

Лето едва вступило в свои права, а на асфальте впереди, точно лужа, уже дрожал мираж. Кажется, по телевизору говорили, что это явление возникает, когда температура достигает примерно 35°C. Неудивительно, что так жарко. Я вытер пот со лба и с укором посмотрел на солнце.

От яркого света мне пришлось снова опустить голову. Я краем глаза заметил девочку и от неожиданности замер на месте, широко раскрыв глаза.

На голове у нее была кепка, а волосы собраны сзади в короткий хвост. Немного свободный топ и шорты подчеркивали здоровый, загорелый цвет ее кожи. Даже издалека было видно, как истерты ее красные сандалии, что как нельзя лучше отражало ее энергичную натуру.

– Вот это граница между солнцем и дождем, – сказала она, стоя ко мне спиной, и указала на дрожащий, выглядящий мокрым участок дороги впереди.

Ее слова прозвучали почти шепотом, но я услышал их совершенно отчетливо. Все потому, что в этот момент пронзительное пение цикад внезапно прекратилось и мир замер в абсолютной тишине.

Она обернулась. На ее лице сияла беззаботная улыбка.

Это была моя младшая сестра, Карэн.

– Знаешь, братик, там, впереди, сейчас идет сильный-сильный дождь. Но к тому времени, как мы туда дойдем, он уже кончится и все высохнет. Если поторопимся, у нас еще будет шанс застать пару лужиц.

Эта сцена показалась мне до боли знакомой.

Граница между солнцем и дождем. Точно. В те времена мы еще не знали о таком явлении, как мираж. Мы лишь гадали, почему в знойный безоблачный день дорога вдали казалась мокрой.

Мне отчаянно захотелось рассказать об этом Карэн. Сейчас, когда я уже был старшеклассником, я мог бы объяснить ей природу миража. Но это было невозможно. Тело онемело, и я не мог произнести ни слова. Только мое сердце, словно барабан, гулко колотилось в груди.

– Что с тобой? Стоишь как вкопанный. Если не хочешь, я пойду одна. – Карэн повернулась ко мне спиной и зашагала прочь.

Я попытался окликнуть ее, но не смог произнести ни звука. Лишь тяжелое прерывистое дыхание вырывалось из моего горла. «Подожди», «не уходи» – эти слова, которые так и не обрели своего голоса, толкались и теснились внутри, сдавливая мою грудь. Меня охватила жгучая, всепоглощающая тревога. Даже время на вдох казалось непозволительной роскошью, и, в конце концов, у меня закружилась голова.

Вскоре Карэн растворилась в дрожащем воздухе. Я так и не смог ничего сделать.

Цикады вновь начали исполнять свои громкие трели, словно только сейчас осознав свою осечку. Капля пота, зацепившаяся за ресницы, попала в глаз, и я крепко зажмурился.

Оставшуюся часть дороги до дома я бежал.

Добравшись до дома, я достал ключ из портфеля, открыл дверь. Из-за яркого света снаружи помещение казалось погруженным во мрак. В своей комнате я переоделся в футболку и шорты и направился на кухню. Выпив холодного ячменного чая, я перевел дух, после чего прошел в гостиную.

Это была комната в восемь татами⁴, которые сильно выгорели на солнце, а в стенной нише⁵ висел свиток с изображением горного пейзажа. Взглянув в большое окно, выходящее на веранду, я понял, что глаза уже привыкли к домашнему полумраку, и мир снаружи казался ослепительно белым и совершенно чужим.

Поджав под себя ноги, я опустил на подушку для сидения в углу комнаты прямо напротив небольшого домашнего алтаря с фотографией Карэн.

Карэн была на два года младше меня. Она погибла пять лет назад, упав с дерева.

Тот день был таким же знойным, как сегодня. Мы с Карэн, вооружившись сачками и банками для насекомых, отправились в ближайшую рощу, но к вечеру так и не нашли ни одного жука-носорога. Хотя нам он и не был так уж нужен, мы оба хвастливо заявили маме, что «принесем что-нибудь огромное», и теперь из упрямства не могли отступить. И вот, когда мы случайно заметили на дереве жука-носорога и жука-оленья, пришли в неописуемый восторг и решили поймать их во что бы то ни стало.

– Однако, рядовой Карэн, есть одна проблема.

Подыгрывая мне, она весело отдала честь.

– Так точно! В чем дело, начальник?

– Сачок не дотягивается.

– Вот как. Дело, надо полагать, принимает серьезный оборот.

⁴ Площадь в восемь татами составляет примерно 13 м².

⁵ Токонома (яп. 床の間) – специальная декоративная ниша в традиционной японской комнате, предназначенная для размещения свитка, цветов или других предметов искусства.

Я не сдержал улыбки.

– Какие ты слова знаешь.

– По телевизору слышала, – ответила Карэн с хитрой ухмылкой, и я, рассмеявшись, кивнул в ответ.

Оба жука сидели довольно высоко, и, чтобы поймать их, нужно залезть на дерево. Но в пределах досягаемости не было ни одной подходящей ветки, и в одиночку забраться было невозможно.

– Даже прыгнув не достать. Что же делать?

– Ну, братик, остается только лезть.

– Не получится. Не за что ухватиться...

– Эх, тебе надо больше думать.

– У тебя есть хорошая идея?

– Ты можешь меня поднять! Тогда я достану до той ветки, как думаешь?

Ветка, на которую указала Карэн, находилась почти в двух метрах от земли.

– ...Это не опасно?

– Не волнуйся! Я отлично умею лазить по деревьям.

– И все-таки...

– Давай быстрее, пока они не улетели!

Если упустить этот шанс, второго может и не быть. Эта мысль вызвала во мне странное сожаление, и поэтому я решил согласиться на предложение сестры.

– Ладно, только будь осторожна.

– Конечно-конечно. Ну, подставляй плечо.

Я присел. Карэн сбросила любимые потрепанные красные сандалии и поставила ногу мне на плечо. С возгласом «Поехали!» я поднялся, и она, ловко ухватившись, оказалась на ветке и стала карабкаться вверх. Она лазила по деревьям с такой ловкостью и проворностью, словно настоящая обезьянка, и казалось совершенно немыслимым, что она может поскользнуться. Поэтому я опустил взгляд.

Наверное, именно тогда я потерял контроль над ситуацией. Мне следовало быть более внимательным и не сводить с Карэн глаз.

Все произошло в одно мгновение. Неожиданно раздался треск ломающейся ветки, и я тут же взглянул вверх.

– Ах!

Но, когда я поднял голову, было уже поздно. Карэн летела вниз головой, пока с глухим стуком не ударилась о землю.

Все произошло так внезапно, что я мог только стоять и смотреть. Спустя пять или десять секунд я наконец пришел в себя и стал звать сестру – но это было совершенно напрасно. Крови не было, но Карэн не дышала.

Последующие события я помню смутно. Меня охватил такой ужас, что я бросился бежать без оглядки. А потом, сам не знаю как, оказался под присмотром соседей. О том, что Карэн умерла, я узнал на следующий день. К счастью, как говорили вокруг, в этой трагической ситуации ее жизнь оборвалась мгновенно.

С тех пор я думал об этом каждый день. Если бы тогда я не послушался ее. Если бы я сдался и сказал: «Уже поздно, пойдем домой». Если бы мы вообще не пошли тогда ловить жуков...

Наверняка Карэн была бы жива.

– ...

Я возжег палочку благовоний и ударил в колокольчик. В голове без конца прокручивалось письмо с покаянием, которое уже некому было адресовать.

Прежде чем ноги затекли, я поднялся и направился на кухню. Пора готовить ужин.

Насыпал в чашу риса и стал промывать его под проточной водой. Воду нужно менять пять раз. Я часто забываю, сколько раз уже промыл, поэтому считаю с помощью пальцев, которыми помешиваю рис. Первый раз использую указательный палец. Второй – указательный и средний. Третий – указательный, средний и безымянный. Примерно так.

Закончив с этим, я поставил чашу в рисоварку и выбрал режим быстрого приготовления.

Затем принялся за жареный картофель по-немецки. Достал ингредиенты из холодильника и стал резать и жарить.

После смерти Карэн мама испарилась из нашей жизни, и мне пришлось взять все заботы об ужине на себя. Папа не умеет готовить, а постоянно питаться полуфабрикатами или в забегах – не лучший вариант, так что выхода не осталось.

Еда готова. Накрыв порцию для папы пищевой пленкой и убрав ее в холодильник, я сел ужинать. Компанию мне составило популярное развлекательное шоу по телевизору, из-за которого я изредка смеялся или бормотал что-то себе под нос. Передачи в семь вечера обычно довольно интересные, но, как только я заканчиваю ужин и выключаю телевизор, их содержание тут же вылетает из головы.

Замочив посуду, я вернулся в свою комнату, плюхнулся на кровать и обнял подушку. Стал убивать время, слушая музыку и читая мангу. Постепенно глаза начали слипаться, и я стал клевать носом. Я успел подумать о том, что стоило бы нагреть воду для ванны, прежде чем меня окончательно сморил сон.

Бам! Дзынь!

Я проснулся от грохота.

Мысль о грабителе даже не мелькнула. Даже сквозь сон было понятно, кто и что делает. Поэтому я не стал выходить из комнаты, а повернулся на другой бок.

– Каору! Ну-ка, иди сюда!

«Ах, черт».

Я встал с постели, тяжело вздохнул и побрел в гостиную.

Там сидел отец, вернувшийся с работы в муниципалитете. Его лицо покраснелось – похоже, он был изрядно пьян. Даже не потрудившись переодеться, он сидел на полу в рубашке и брюках и жадно пил воду. Его кадык ритмично двигался вверх-вниз. Щеки отца впали, а в растрепанных волосах поблескивала седина.

«Постарел, – подумал я. – Все-таки ему уже за пятьдесят».

Отец закончил пить и со стуком поставил стакан на стол, чуть не разбив его.

– Ванна, – бросил отец, уставившись в экран телевизора, который даже не был включен. Что же он там смотрел?

– Прости. Сейчас нагреею.

Я направился в ванную. По пути я босой ногой наступил на что-то мокрое, и по спине пробежали мурашки. Осторожно отодвинув ногу, я увидел, что это была картошка. Мой «кар-

тофель по-немецки» разбросан по полу. Часть даже прилипла к стене. Видимо, он бросил тарелку, которая теперь лежала рядом с остатками еды, расколотая пополам.

– Эй! Чего встал как вкопанный? Если есть что сказать – валяй!

– Ничего, – ответил я на его окрик и пошел в ванную.

Сказать мне было и правда нечего. Мне совершенно безразлично, что он позвал меня, только чтобы я нагрел ванну, и что еда, которую я приготовил и оставил для него, оказалась размазана по стене, а тарелка разбита.

Сострадание к человеку, который практически одновременно потерял Карэн и мою маму. Смирение, что он уже никогда не будет прежним отцом. И вина за то, что, находясь рядом с Карэн, я не смог защитить ее. Эти три чувства заполонили мое сердце, не оставляя ни капли места для гнева.

После смерти Карэн отец, который раньше был мягким и спокойным человеком, изменился до неузнаваемости, и его поведение стало непредсказуемым. Он мог, как сейчас, крушить вещи и кричать, а мог становиться жутко сентиментальным и ласковым. Сначала я старался предугадывать его настроение и внимательно наблюдал за каждым его движением, пытаясь понять, как правильно себя вести, чтобы заслужить его одобрение. Однако я отказался от этих попыток после того, как он сказал:

– Ты должен был умереть вместо нее.

Это случилось зимним вечером, когда я учился во втором классе средней школы. Отец, вернувшись в стельку пьяным, бросил эту фразу так же буднично, как замечание о погоде. По правде говоря, я и сам догадывался, что он так думает, поэтому воспринял это замечание с неожиданным спокойствием. Грусти не было вовсе. Но всякие попытки заслужить его расположение и раздражение от несправедливых упреков – вся эта внутренняя сила разом покинула меня, будто кто-то выдернул вилку из розетки. Тогда же я окончательно осознал, что он больше не видит во мне сына.

Я был ребенком, которого мама родила от другого мужчины.

Эта правда открылась, когда мне исполнилось восемь. Я мало что знал об этих обстоятельствах. Будучи ребенком, я понимал, что измена матери – запретная тема, поэтому старался ее не касаться, да и особого интереса она у меня не вызывала. Мама искренне любила меня, а тот, кого я считал отцом, хорошо ко мне относился, поэтому я посчитал это случайной ошибкой из прошлого, которая ничего не меняет и которая могла случиться с кем угодно. Карэн, думаю, относилась к этому так же. И так, соблюдая незримую дистанцию, наша семья Тоно сумела построить почти идеальную семейную жизнь. Но все это разрушилось после смерти Карэн. Теперь в нашем доме не осталось и намека на былые теплоту и уют.

Иногда я задумывался, как бы все сложилось, если бы, как сказал отец, вместо Карэн умер я?

Ответ был очевиден.

Я помыл ноги под душем, чтобы смыть остатки картошки, на которую наступил. Заодно открыл кран ванны и, когда вода набралась, включил нагреватель.

Следовало убрать следы ужина и разбитую тарелку, иначе отец стал бы снова придирается. Тяжелой поступью я вернулся в гостиную, где отец, растянувшись на татами, храпел с открытым ртом. Исчезла вся его прежняя раздраженность, и теперь он выглядел нелепо и смешно.

– Повезло, что я в него не пошел.

Но сначала нужно было поскорее все убрать, пока отец спал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.